

Иво Поспишил

Чешская Республика, Брно

**ЖАНР ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОГО ПОРТРЕТА
У ЛЕОНИДА ФРИЗМАНА (ТЕМА ПАМЯТИ
И ЕЕ АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ)**

ABSTRACT:

**The Genre of the Literary-Scientific Portrait in Leonid Frizman's Work
(The Theme of Memory and Its Axiological Significance)**

The author of the present study analyses the genre of the biographical/literary-scientific portrait in general as an example of a genuine manifestation of metatextual morphology of literary genres in relation to literary criticism. In the case of portraits of literary scholars and critics, which Leonid Frizman in his book *In the Circle of Literary Scholars/Critics* deals with, its subject concerns, above all, the social background of the work of literary critics in a certain cultural and geopolitical area of the former Soviet Union, in the territories of the contemporary Russian Federation and Ukraine in the multinational, multicultural and multilingual space pervaded with the traditions of the 19th-20th-centuries classical, modernist and avant-garde currents. The metatextual character of the literary-scientific portraits is also connected with the analysis of methodological problems and interpersonal data in relation with the ideology of that time. The author of the present study attempts at the comparison of the environment depicted by Frizman with that of former Czechoslovakia, the Czech Republic and Slovakia with all, often substantial, changes which have been taking place since the 1960s up to the present day demonstrating in this way the specific features of national existence, the environment of literary criticism, and the relations with particular politics and with the centres of science and power, i. e. particularly analysing the area aspect of the biographical genre.

KEY WORDS:

Leonid Frizman – literary criticism – Soviet literary critics – methodology – interpersonal relations – ideology – area aspect of literary scholarship/criticism.

Литература первой трети XXI века характеризуется тяготением к переплетению высокого и низкого, эстетически значимых, художественно насыщенных артефактов и массовой продукции, к всеобщему ориентированной литературе факта, к транзитивной зоне публицистических и художественных жанровых форм. Огромная масса мемуарных артефактов или художественной литературы, стоящей на грани документальности, аутентичности, эстетической значимости и фикции, является носителем стержневых эстетических ценностей литературы начала XXI века. Литература факта зачастую становится лишь нарративной маской для выявления документальных фактов, и массовая литература документального типа стремится к художественности, фиктивности. Смесь таких жанровых пластов преобразовывается зачастую в сущности нарративных стратегий. В рамках постмодернизма и постпостмодернизма, даже раньше в русле мифологической литературы конца XX века, доминантную роль начинает играть мета- и интертекстуальность. Именно к этой сложной структуре тяготеют и тексты, сочиненные выдающимся русским советским критиком, историком и, в конце концов, теоретиком литературы Леонидом Фризмманом (1935–2018). Книга, которая становится объектом настоящей статьи, была одной из его последних, лебединой песней его литературоведческого творчества; для нее характерно, что и она стоит на упомянутой грани фиктивности и фактографичности [Фризмман 2017а].

Есть исторические периоды, в которых волны мемуаров и документальной литературы усиливаются, что вызвано общественными изменениями, историческими срывами, перерывами, политическими катаклизмами или переходными, транзитивными периодами, связанными с напряженным ожиданием новых явлений, режимов, общественных систем. Речь идет об исторической, личной или поколенческой расплате, оценке прошлого и, разумеется, месте мемуариста в истории [Pospíšil 2016]. С жанрологической/генологической точки зрения, мемуары относятся к группе литературных жанров, которые находятся на грани публицистики, т. е. эстетически иррелевантной литературы, и изящной словесности, *belles lettres*, т. е. литературы художественно значимой. К этим жанрам принадлежат, между прочим, эссе, репортаж, фельетон, колонка, светская хроника, биография и автобиография и весь пласт литературы факта, т. е. документальной прозы. Такой характер носит, например, и роман-хроника, которым я занимался много лет назад [Pospíšil 1983, 1986, 1998].

Очень близко к хроникальным конструкциям стоят именно мемуары, у которых есть своя экспансивно развивающаяся типология. Жан-

ров «на грани» становится больше, сюда включаются биографический и автобиографический романы; сплочение мемуаров как индивидуалистического жанра и хроники как объективистской жанровой формы происходит через повествователя: цель – внедрить в призму индивидуалистического повествования объективную точку зрения извне, или, наоборот, в объективирующий поток повествования – индивидуальный оттиск, отпечаток. В недавнем прошлом наблюдаются разные метатекстуальные разновидности мемуарной литературы; здесь мы только ссылаемся на некоторые наши исследования [Pospíšil 2009, 2016].

Леонид Фризмман (1935–2018) – автор многих книг и статей, разных исследований по русской литературе, однако он занимался и украинской письменностью (Иван Франко). Его монография на стыке украинской, русской, польской и немецкой культур о литературно-критической деятельности Ивана Франко представляет собой особую ценность с точки зрения истории украинского литературоведения [Фризмман 2017б].

Леонид Фризмман является автором и соавтором сотен научных исследований и статей. Он родился в Харькове и учился в харьковских школах. Его книга о русской элегии была издана в Москве [Фризмман 1966]. Он занимался, между прочим, и Е. А. Боратынским/Баратынским, декабристами, А. Дельвигом, его притягивала судьба евреев в Российской империи и еврейские мотивы в русской литературе. Он был, прежде всего, русистом, что демонстрируется его статьями и книгами, но и украинистом (вышеупомянутая книга об Иване Франко и его взглядах на литературу, [Фризмман 2017а], которая показывает его глубокий интерес и широкие знания в области мировой литературы). Фризмман писал, кроме того, об А. Твардовском, А. Галиче, создавал литературные портреты [Фризмман 2017б]. Поколенческие мемуары Л. Фризммана сравнительно точно отражают мир, который уже ушел в прошлое, хотя не целиком, как ничего из прошлого полностью никогда не исчезает. Его книга «В кругах литературоведов. Мемуарные очерки» [Фризмман 2017б] представляет собой детальный анализ литературной, или, скорее, литературоведческой жизни в СССР, омрачаемой не только цензурой и автоцензурой, но и острыми спорами этого времени, личными схватками, тем, что и к нам, в чешскую среду, занесло советское влияние с 50-х гг. XX века и что у нас до определенной степени осталось и на протяжении 70-80-х гг. XX в. Я имел возможность почувствовать эту атмосферу, перенесенную к нам, включая и носителей этих «привычек», которые после разных переворотов опять-таки стали соответствовать актуальному политическому времени.

Леонид Фризман относится к младшему поколению советских литературоведов, сверх того, русско-украинских; хотя он дает предпочтение русскому языку как языку своих статей и книг, он написал и книгу об Иване Франко, но он пишет, главным образом, о литературоведах, которые проходили не только сквозь десятки лет сталинской диктатуры, но и через хрущевскую оттепель – их, кроме того, связывали переживания молодости, Великая Отечественная война.

С жанровой точки зрения – так как это аспект, который нас в этой статье интересует больше всего – его книгу литературоведческих портретов можно назвать персоналистской историей русского советского литературоведения 50–60 гг. XX века, так как почти все занимались русской литературой, по существу, классической, т. е. XVIII и, главным образом, XIX веком, что совпадало и с научными интересами самого автора.

Фризман составил свой текст по принципу жанрового переплетения хронологии с автономными портретами отдельных лиц, с которыми он общался, переписывался, которые писали о его книгах, высказывались по поводу его деятельности, оценивали его квалификационные работы, т. е. кандидатскую и докторскую диссертации, были его сторонниками или, наоборот, противниками, становясь препятствиями в его научной карьере.

С одной стороны, положительно, что Фризман описывает советскую обстановку еще более красочно, чем это соответствует моему собственному опыту не только с советской литературной и литературоведческой средой, но и условиями в бывшей Чехословакии 70–80 гг. прошлого века; с другой стороны, необходимо подчеркнуть, что в СССР идеология действовала сильнее, чем в Чехословакии, и некоторые ее рудименты пережили свое время и встречаются до сих пор, хотя и в трансформированном виде, так как в СССР более чем 70 лет официально отсутствовала до определенной степени культурная преемственность – в отличие от чешской и чехословацкой среды, например, в связи с положительной оценкой модернистских и авангардных течений XX века, которые прочно остались в сознании культурно активных людей и после 1948 г., не говоря о перипетиях 60-х гг. XX века, когда интерес к ним усиливался. Насколько этот континуитет продолжает жить в молодом поколении – не знаю, но, как известно, никакой феномен никогда полностью не исчезает из культурного сознания и подсознания. Напротив, знание того, что позволено и что запрещено, цензура и автоцензура и взаимное неприятие встречаются и сейчас, т. е. злоупотребление господствующими идеологиями, мейнстримами и сведением старых счетов – все это

описано у Фризмана не только необычно ярко и конкретно, но и с надеждой и определенной долей оптимизма, который, увы, видится в изложении Фризмана слишком «одноцветным». В этом смысле он видит 90-е годы XX века как почти идеальное время, игнорируя противоречивость, препятствия и результаты этого периода в истории России; иначе говоря, он их не видит или не желает видеть. Хотя во многих областях чешская и чехословацкая среда была похожа на советские модели, все-таки здесь не исчезал дух демократии и взаимной толерантности, отказ от так называемого единственного правдивого взгляда, диктатуры и авторитетности. Книга Фризмана, стоящая на грани литературы факта, мемуаров, автобиографии и документа, становится, таким образом, особым путеводителем по истории русского и советского литературоведения, главным образом, с 50-х по 90-е гг. XX века.

Мемуарный текст Л. Фризмана начинается с его детства и еврейской семьи, которая сформировала его общекультурный фон. Его отец Генрих был известным медиевистом, мать Дора, урожденная Гершман, – музыкантом, дирижером ансамбля. Год рождения исследователя свидетельствует о том, что на существенную часть его молодости пришлась война и эвакуация (семья очутилась в далеком Уральске). На Урале семья страдала от лишений, трудно было прокормиться. Члены семьи были сторонниками или, по крайней мере, не противниками большевистской революции и советского режима, и немецкий, нацистский геноцид усиливал их левые взгляды, хотя конец антисемитизма на территории восточных славян оказался иллюзорным [Солженицын 2001]. Леонид Фризмман был талантлив в нескольких областях: кроме гуманитарных наук это была математика, что и проявилось в некоторых его литературоведческих исследованиях. Возвращение семьи в Харьков после войны с Урала реализовалось не сразу же; надо было терпеливо ждать вызова из места их довоенного пребывания, чем, по Фризмману, опять демонстрировался скрытый антисемитизм советского общества.

Тема еврейства и антисемитизма со страниц его книги никогда полностью не исчезает. Зачастую упоминаются еврейское происхождение его учителей и разные препятствия в их жизни. Для талантливого человека это неблагоприятная исходная ситуация: тот, кто подвергнут дискриминации, чувствуя, что это все нарочно, тяготеет к подозрительности, может быть, и не по праву, все время ищет общий знаменатель и может и несправедливо обобщать. Хотя бытование в СССР антисемитизма нельзя отрицать, он господствовал в разные эпохи и в других странах, в Центральной Европе, в Германии, Польше, Англии, Испании

и т. д. [Mikulášek 1998, 2002]. Доминантная роль евреев в русском литературоведении советского периода очевидна.

При анализе структуры повествования становится ясным, что кроме явной хронологии здесь встречаются полуоткрытые портреты отдельных лиц и документальные пласты, главным образом, выдержки из корреспонденции. Слабым местом документальной части является то, что автор слишком много ориентируется на самого себя и одновременно он однозначно апологетичен, т. е. он публикует исключительно положительные ссылки, отзывы, похвалу, одобрительные слова, пожалуй, и пеаны на свои литературоведческие достижения, хотя можно предполагать, что в них отражается лишь нормальные человеческие приличия, дипломатия и формальная вежливость – нет причин сомневаться в том, что со времен его становления литературоведом многое до сих пор не изменилось. Тем не менее, можно и здесь обнаружить сравнительно много информационно ценных деталей, например, о А. Твардовском. В связи с характером времени нельзя удивляться тому, что эпистолярное наследие, предлагаемое в этом томе Фризмано, слишком формально: от обращения до политических фраз – незначительны интимность взглядов и их самостоятельность, независимость, т. е. страх был большой и бытовало всеобщее недоверие – *nihil novi sub sole*. Из окружения Твардовского выразителен и его друг Владимир Лакшин (1933–1993): отношение Фризмана к его личности я могу подтвердить, хотя только по краткому общению на братиславской конференции о Солженицыне в начале 90-х гг. XX века (*A. I. Solženicyn v kontexte* 1992): т. е. особый демократизм, сдержанность, глубина мысли, возвышенность, то, что он проявлял и по отношению к самому Солженицыну. Юрий Буртин (1932–2000) также относится к этому кругу журнала «Новый мир» в период 60-х гг. XX века, хотя у Буртина его жизненный путь был намного сложнее, чем у других. Фризман своеобразно отражает и Пражскую весну 1968 года, ибо этому кругу интеллектуалов естественно не нравилось вторжение армий пяти государств Варшавского договора в Чехословакию, но знание конкретной политической обстановки в Чехословакии у них только опосредствовано и неоригинально. В связи с Твардовским можно привести и соавторство Фризмана у книги о литературной критике.

Интересный раздел представляет собой изложение, касающееся очень русской и советской темы, а именно романа «Овод» (*The Gadfly*, 1897) Этель Войнич (урожд. Буль, 1864–1960), повествующего об итальянских революционерах. О связи с семьей Буль и с Михаилом-Вильфредом Войничем, в свое время держателем известной и названной по

нему таинственной рукописи, автор ничего не знает или не хочет этим заниматься.

Фризман пишет в количественном и качественном отношении поразному о ключевых лицах русского советского литературоведения, в том числе о Леониде Баткине, Кирилле Пигареве, Дмитрие Лихачеве, Борисе Двинянинове, Вадиме Вацуро, Борисе Мейлахе, Дмитрие Благом. С характером текста немного идет вразрез глава о двух театральных инсценировках грибоедовской комедии «Горе от ума» (Г. Товстоногов против М. Ефремова). Показательно, что все это связано со временем реализации, т. е. с бунтующей советской молодежью 60-х гг. XX века с одной стороны, и с возобновлением капиталистической морали ельцинской России, с другой, хотя автор как-то забыл о хрестоматийной классической статье Ивана Гончарова «Мильон терзаний» (в русском интернете сейчас находится ее компрометирующее изложение). Как известно, держателем авторских прав на пьесу был никто иной, как Фаддей Булгарин.

Самым ярким из портретной галереи Фризмана является описание связей с казахским поэтом и позже политиком Олжасом Сулейменовым (он родился в 1936 г.). Деликатная тема «Слова о полку Игореве» в его книге «Аз и Я» указывает, по Фризмону, на нетолерантность со стороны русских литературоведов. Интересен и раздел о норвежском русисте Гейре Хьетсо (Geir Kjetsaa, 1937–2008), с которым Фризман переписывался со времени издания своей книги о Баратынском, о котором написал известную монографию, кажется, самую превосходную, и сам Хьетсо – по-норвежски и по-русски. Не стоит подробно заниматься взглядом Фризмана на написание фамилии поэта – об этом много полемизировали в 70-е годы XX века (кажется, правильнее «Боратынский» с учетом его польского происхождения). Фризман периферийно упоминает и деятельность Хьетсо во главе коллектива норвежских и шведских исследователей «Тихого Дона» – но это особая тема о Михаиле Шолохове (1905–1984) и Федоре Крюкове (1870–1920) и применении тогда сравнительно новых технологий в литературоведческом труде [Kjetsaa 1984]. Хьетсо занимался Боратынским/Баратынским приблизительно в то же время, как Фризман; это был ученый классического типа; он был по-германски трезв и систематичен, с прочным филологическим фундаментом и позитивистскими склонностями (я с ним встретился в Англии в 1990 г. на всемирном конгрессе ICSEES, тогда еще ICSEES, и говорил с ним, между прочим, о его статье, опубликованной в прошлом в журнале «Чехословацкая Русистика» о чеховской повести «Дама с собачкой» [Kjetsaa 1971]. Влюбленностью Фризм-

ман называет свое отношение к Ефиму Эткинду (1918–1999), позже французскому теоретику литературы (Efim Etkind), описывая его идеологические проблемы в СССР, которые, в конце концов, привели к его эмиграции.

В книге Фризмана иногда появляются только выдержки из писем, краткие ссылки, заметки или сообщения значительных русских литературных критиков и в общем литературоведов, как, например, Г. Фриденбергера, В. Путинцева, А. Чичерина, Ю. Дружникова, М. Гаспарова, Л. Лазарева и др. (некоторые из них остались в СССР до его горького конца) – людей, по-видимому, разных политических и научных взглядов и мнений. Существенная часть из них теперь почти полностью забыта; однако без них нельзя представить себе уровень изучения русской литературы.

Интереснейший аспект представляет и ареальный характер книги Фризмана. Он сам остается в Харькове, что является, с одной стороны, невыгодным, но, с другой – выгодным положением, он зачастую ездит в Москву, Ленинград, по разным местам в бывшем СССР в качестве участника разных конференций. Он постепенно становился не только специалистом по русскому романтизму, по элегии, но и по Лермонтову, Грибоедову, декабристам и т. д. Оказывается, что советская провинция была зачастую огромным научным центром, так как политически преследуемые очутились на разных должностях в разных городах в Сибири, Центральной Азии, на Кавказе, в Прибалтике, на Украине, или в северной части Европейской России. Судьба Михаила Бахтина (1895–1975) в этом отношении показательна: он вернулся в столицу благодаря Вадиму Кожинову (1930–2001) в конце 60-х годов из Саранска, где он работал заведующим кафедрой всеобщей и затем русской и зарубежной литературы, хотя некоторые говорят, что скорее по ходатайству самого Юрия Андропова, причем существенными для развития его методологии и философии было пребывание не только в Витебске/Вицебске, но и в Невеле, как это записал Виктор Дувакин (1909–1982) и в своей книге проанализировал Виталий Махлин.¹

Замечателен портрет Юрия Дружникова (1933–2008), которого, как известно, прославили книги о потенциальном эмигранте Александре Пушкине [Pospíšil 2004]; может быть, еще значительнее его контакт

¹ См. нашу рецензию: Hledání „velkého času“ Michaila Bachtina (Виталий Л. Махлин: Большое время: Подступы к мышлению М. М. Бахтина. Opuscula Slavica Sedlcensia, tom VIII. Redakcja tomu Roman Mnich i Roman Bobryk. Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, Siedlce 2015). *Novaja rusistika* 2015, č. 2, s. 76–81.

с Михаилом Гаспаровым (1935–2005), знатоком античности и медиавистом, но, главным образом, блестящим стиховедом.

Как уже сказано выше, тема еврейства вновь и вновь возвращается, например, в разделе, в котором Фризман пишет о жалобе, которую в Харькове получили местные партийные органы, где ее автор писал о еврее Фризмане, который позволил себе читать лекции о великом русском писателе Льве Толстом, что невозможно. Эти жизненные эпизоды, кажется, окончательно ушли в прошлое; они тем парадоксальнее, чем яснее ключевая позиция русско-еврейских литературоведов в мире, куда переносят все стержневые ценности русской литературы и культуры.

Текст Фризмана поучителен и с точки зрения морфологии литературы, ее поэтики и жанровой структуры, как уже сказано выше. Одновременно это интереснейшая мозаика литературоведческих портретов как варианта жанра литературного портрета. Мемуарная проза Л. Фризмана, оригинальная смесь и переплетение литературного изображения и литературоведческого анализа как науки с мемуарной жанровой основой, формирует особую эстетически значимую жанровую форму. Книга Фризмана, следовательно, стоит, сверх сказанного, на грани публицистики, науки и эссе как художественного текста. Фризман продолжает, таким образом, развитие исследования литературного и литературоведческого быта, то, о чем в свое время писал бывший формалист Б. Эйхенбаум еще с конца 20-х гг. XX века в своем объемном двухтомнике о Льве Толстом, в отличие от его формалистского очерка «Молодой Толстой» (1922).

Мемуарная проза Л. Фризмана заключается в познании судьбы не литераторов, писателей, а литературоведения и литературоведов в СССР и позже, т. е. сравнительно закрытого, уже исчезнувшего мира цензурных запретов и преследований, которые глубоко проникали в жизнь людей и в их взаимосвязи, и зачастую выявляли скрытые мотивы поведения. Собственные методологические размышления у Фризмана остаются позади, будто бы они не очень интересовали автора, хотя это совершенно не так; они являются скорее подспудным течением почти всего, о чем автор пишет. Как выявляет сам текст, Фризман был скорее историком литературы, хотя и с критическим и теоретическим уклоном, филологом, а также знатоком литературных жанров, т. е. своего рода жанрологом. Доминантные аспекты его методологии обнаруживаются скорее в конкретном анализе, чем в теоретических декларациях.

После критических замечаний относительно содержания, жанровой формы и нарративной структуры мемуарной и портретной прозы Ле-

онида Фризмана можно точнее подытожить, что является жанровой основой произведения, узловыми пунктами композиции и жанровой канвой, текстуальной сутью этого гетерогенного текста. Нам может подсказать само название или второе название – «В кругах литературоведов. Мемуарные очерки». Идея круга, своего рода цикл портретов, т. е. цикличность как исходная структурная единица [Ibler 2000, Pospíšil 2000] связывается с жанрами мемуаров и очерков. Это вполне достаточно объясняет специфику жанра литературоведческих мемуаров. Это мемуарная структура, осуществленная в жанровой форме очерков с гетерогенной формой и содержанием: отзывы, письма, комментарии, описания знакомств, мнимые цитаты, замкнутые истории, т. е. разнообразные сюжеты, эпос и лирика, и особый драматизм, так что научный текст иногда переходит в фрагментарную художественную ткань. Комментарии с критическим отношением к немного эгоцентрической концепции мемуарных очерков были уже высказаны в предыдущем тексте; то, что бросается в глаза и снижает высокий аксиологический уровень произведения, связано с разностилевой морфологией; с другой стороны, уже упомянутая гетерогенность текста производит эстетически значимый эффект, поразительно усиливающий цельность рамок всего документального артефакта. Критическое отношение к содержательному построению произведения, главным образом, к частично искусственной аксиологии, связанной с тем, что автор отрицательно сплошь и рядом видит только период до перестройки, ослабляет то, что речь идет об индивидуальных судьбах автора и его близких, что указывает на субъективность, экспрессивность и эмоциональность мемуарной ткани, роль которой в сложной жанровой структуре таким образом усиливается. Из этого вытекает и его преклонение перед ельцинской Россией и критическое отношение к ее современному состоянию, может быть, и в связи с событиями на Украине и в Крыму.

Автор не слишком откровенно выражает свои опасения по поводу конфликтов, связанных с киевским Майданом, одесским зверским убийством, языковыми конфликтами, войной на востоке Украины с вмешательством русских, наконец, с аннексией Россией Крыма посредством метода, который русские в прошлом уже применили, ибо в это время он связан и с другими, похожими событиями, например, на Балканах. Все это, наверное, автора, привыкшего к общности, мирному сосуществованию русских и украинцев, в особенности в Харькове, к более или менее дружеским отношениям наций в бывшей великой державе, неизбежно смущало. Это все случилось к концу жизни автора, когда он составляет, формулирует и стилизует структурно сложные мемуарные

литературоведческие портреты как многократно преломленный пограничный жанр. Может быть, жанровая несвязность символически отражает и психику автора, выражая хаотичность мира, в котором ему было суждено умирать.

В качестве кейс-микростади можно ближе посмотреть на один отрезок текста, в котором неровности, искривления и неравномерности проявляются ярко и с жанровой точки зрения релевантны. Это, например, знакомство Фризмана с видным русским англистом Александром Абрамовичем Аникстом (1910–1988), шекспироведом. Впервые они встретились во второй половине 60-х гг. прошлого века. Аникст читал работы Фризмана, советуя ему относительно деталей и ключевых признаков научного жанра. Это касалось и составления антологий и серии «Шекспировские чтения» – все проходило в трудное время 70-х годов ХХ века. Позже Аникст, учебные тексты которого я, будучи студентом англистики, читал как обязательные, ведет с Фризманом переписку, что представлено несколькими выдержками, потом следует его портрет и описание его интимного круга. И описание ухода ученого в конце 90-х гг. прошлого века относится к жанровой комбинации литературы факта, документа и эстетически остраниженного изложения.

Мемуарный текст Леонида Фризмана является оригинальным жанром. Он содержит, как уже сказано, несколько жанровых пластов, т. е. мемуары, документы, выдержки из переписки, заметки, сообщения, краткие комментарии и замкнутые сюжеты (например, о стратегии подготовки защиты его кандидатской диссертации), иногда даже хаотичные переплетения разностилевых и разножанровых слоев текста, объединенных системой оценок и темой гуманизма и толерантности, главным образом в связи с мотивами дискриминации евреев и роли литературоведов-евреев в русском литературоведении. Жанр мемуарного литературоведческого, а не чисто литературного портрета и описание литературоведческого, а не только литературного быта, т. е. портрета, содержащего научные аспекты, является жанровой новизной.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

СОЛЖЕНИЦЫН, А. И. (2001): *Двести лет вместе. 1795–1995*. Москва: «Рабочий путь».

ФРИЗМАН, Л. (1966): *Творческий путь Баратынского*. Москва: Наука.

ФРИЗМАН, Л. (1973): *Жизнь лирического жанра: Русская элегия от Сумарокова до Некрасова*. Москва: Наука.

ФРИЗМАН, Л. (1974): *Поэзия декабристов*. Москва: Знание.

ФРИЗМАН, Л. (1987): *1812 год в русской поэзии*. Москва: Знание.

- ФРИЗМАН, Л. (1988): *Декабристы и русская литература*. Москва: Художественная литература.
- ФРИЗМАН, Л. (1992): «С чем рифмуется слово истина...»: *О поэзии А. Галича*. Санкт-Петербург: Ореол.
- ФРИЗМАН, Л. (2015): *Такая судьба: Еврейская тема в русской литературе*. Харьков: Фолио.
- ФРИЗМАН, Л. (2017а): *В кругах литературоведов. Мемуарные очерки*. Москва – Санкт Петербург: Нестор-История.
- ФРИЗМАН, Л. (2017б): *Иван Франко: взгляд на литературу*. Киев: Издательский дом Дмитрия Бураго.
- A. I. Solženecyn v kontexte európskej literatúry (1992). Zborník príspevkov zo sympozia o tvorbe A. I. Solženecyna. Bratislava: Filozofická fakulta Univerzity Komenského.
- IBLER, R. (Hrsg.) (2000): *Zyklusdichtung in den slavischen Literaturen*. Beiträge zur Internationalen Konferenz, Magdeburg, 18. – 20. März 1997. Vergleichende Studien zu den slavischen Sprachen und Literaturen, Bd 5, herausgegeben von Renate Belentschikow und Reinhard Ibler. Frankfurt am Main, – Berlin – Bern – Bruxelles – New York – Wien: Peter Lang Verlag.
- KJETSAA, G. et al. (1984): *The Authorship of The Quiet Don*. Slavic Norvegica. Oslo: Solum Forlag.
- KJETSAA, G. (1971): Tschechows Novellenkunst. Versuch einer Analyse der Erzählung Die Dame mit dem Hündchen. *Čs. rusistika* 1971, č. 2, s. 60–68.
- MIKULÁŠEK, A. (2000): *Antisemitismus v české literatuře 19. a 20. století*. Praha: Votobia.
- MIKULÁŠEK, A., GLOSÍKOVÁ, V., SCHULZ, A. B. a kol. (1998): *Literatura s hvězdou Davidovou. Slovníková příručka k dějinám česko-židovských a česko-židovsko-německých literárních vztahů 19. a 20. století*. Praha: Votobia.
- MIKULÁŠEK, A., ŠVÁBOVÁ, J., SCHULZ, A. B. a kol. (2002): *Literatura s hvězdou Davidovou 2. Slovníková příručka k dějinám česko-židovských a česko-židovsko-německých literárních vztahů 19. a 20. století*. Praha: Votobia.
- POSPÍŠIL, I. (1998): *Genologie a proměny literatury*. Brno: Masarykova univerzita.
- POSPÍŠIL, I. (2016): Kvázimemoáry jako mentální signál (české a slovenské příklady). In: Ivo Pospíšil (ed.): *Poetika prózy v česko-slovenských souvislostech*. Brno: Česká asociace slavistů ve spolupráci s Ústavem slavistiky FF MU, Slavistickou společností Franka Wollmana, Středoevropským centrem slovanských studií a ve spolupráci a s finanční podporou Literárního informačního centra v Bratislavě, Jan Sojnek – Galium, s. 169–178.
- POSPÍŠIL, I. (1986): *Labyrint kroniky. Pokus o teoretické vymezení žánru*. Brno: Blok.
- POSPÍŠIL, I. (2004): *Metoda Jurije Družnikova (Юрий Дружников: Книги и судьба. Рекомендательный библиографический указатель. Ульяновская областная библиотека для детей и юношества. Библиографический отдел. Ульяновск 2002. Юрий Дружников: Узник России. По следам неизвестного Пушкина. Роман-исследование. Трилогия. «Голос-Пресс», Москва 2003). Slavica Litteraria, X 7, 2004, s. 156–157.*

- POSPÍŠIL, I. (2001): O českém antisemitismu racionálně a precizně. *KAM-příloha*, č. 4, s. XX.
- POSPÍŠIL, I. (2009): Ponorná řeka memoárů na rozcestí. In: Libor Pavera a kol.: *Metamorfózy gatunków w kontekście środkoeuropejskim. Żánrowé metamorfózy v středoevropském kontextu, sv. IV*. Praha – Bielsko-Biala: Verbum s. 233–244.
- POSPÍŠIL, I. (2016): Правда и ложь мемуаров. In: *Prawda i kłamstwo. Problematyka. Interpretacje. Konteksty*. Redakcja tomu Danuta Szymonik, Walentyna Krupowies. *Conversatoria Litteraria*, tom 10. Międzynarodowy Rocznik Naukowy. Siedlce – Bańska Bystrzyca 2016, s. 21–35.
- POSPÍŠIL, I. (1983): *Ruská románová kronika (Příspěvek k historii a teorii žánru)*. Brno: Univerzita J.E. Purkyně.
- POSPÍŠIL, I. (2000): *The Cycle as the Undercurrent in the Development of the 19th-Century Russian Novel*. In: Reinhard Ibler (Hrsg.): *Zyklusdichtung in den slavischen Literaturen. Beiträge zur Internationalen Konferenz, Magdeburg, 18. – 20. März 1997. Vergleichende Studien zu den slavischen Sprachen und Literaturen, Bd. 5*, herausgegeben von Renate Belentschikow und Reinhard Ibler. Frankfurt am Main, – Berlin – Bern – Bruxelles – New York – Wien: Peter Lang Verlag, s. 419–424.
- POSPÍŠIL, I. (2015): Hledání „velkého času“ Michaila Bachtina (Виталий Л. Махлин: Большое время: Подступы к мышлению М. М. Бахтина. *Opuscula Slavica Sedlcensia*, tom VIII. Redakcja tomu Roman Mnich i Roman Bobryk. Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, Siedlce 2015). *Novaja rusistika* 2015, č. 2, s. 76–81.
- SOLŽENICYN, A. I. (2004–2005): *Dvě stě let pospolu I. (1795–1916), II. (1917–1995)*. Praha: Academia.

PROFÍL AUTORA:

Prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc.,
slavista, rusista a bohemista, literární vědec, kritik, historik a teoretik, komparatista a genolog; zabývá se mimo jiné ruskou literaturou a jinými slovanskými literaturami, dějinami slavistiky a literárněvědnou metodologií.

Ústav slavistiky
Filozofické fakulty Masarykovy univerzity,
Arna Nováka 1
602 00 Brno
Česká republika

<https://slavistika.phil.muni.cz/>
Ivo.Pospisil@phil.muni.cz